

ГОМЕРОВСКАЯ ТЕМА В ПЕРЕВОДАХ М.Н. МУРАВЬЕВА

Л.Т. Леушина, Л.Б. Прокопьева

Аннотация. Выявляется своеобразие поэтики перевода М.Н. Муравьева отрывков из поэмы Гомера «Илиада» (I, 1–5; XX, 56–65; XVII, 645–647) в аспекте традиций классицизма и новых веяний сентиментализма. Обозначено значение творчества Гомера для М.Н. Муравьева, проанализированы семантические, стилистические, ритмико-метрические параметры перевода М.Н. Муравьева отрывков из поэмы Гомера «Илиада». В статье используются филологические методы интерпретации текста с привлечением историко-философского, литературно-эстетического контекстов и с помощью методики сравнительно-сопоставительного анализа. Поэт по имени Гомер является автором двух величайших творений древности, поэм «Илиада» и «Одиссея». Поэмы Гомера в Античности – хранилище мудрости, основа школьного образования, достояние всего народа, символ единства эллинов. М.Н. Муравьев хорошо знал латинский и древнегреческий языки и всю жизнь изучал античное наследие по первоисточникам. На первое место среди античных авторов он ставил Гомера. Влияние Гомера на формирование литературных вкусов М.Н. Муравьева огромно. Творчество великого эллина осваивалось русским автором через чтение и осмысление произведений Гомера, через использование сюжетов поэм в дидактических целях, а также через переводы. М.Н. Муравьеву принадлежит первый русский перевод Гомера (1778 г.) в гекзаметре («Илиада» I, 1–5), в котором сохранены все ключевые образы, лексические, синтаксические и художественные средства Гомера: перевод начинается с обращения к богине, затем говорится о последствиях гнева Ахилла: это многочисленные смерти ахейцев, свершившиеся по воле Зевса. В 1790 г. М.Н. Муравьев во второй раз обращается к переводам из Гомера, включив отрывки из XX и XVII песен «Илиады» в свое прозаическое произведение «Эмилиевы письма». Эти переводы почти дословны, они демонстрируют почтительное и бережное отношение к первоисточнику: все смысловые акценты расставлены, синтаксические и художественные средства также эквивалентны или очень близки оригиналу. В редких случаях, опуская или изменяя образные средства Гомера, М.Н. Муравьев использует собственные средства выразительности, поэтому общее впечатление от художественности произведения не меняется. Ритм греческого гекзаметра также удачно передан М.Н. Муравьевым, кроме этого величественность и торжественность переводу придают часто применяемые (как и у Гомера) анжамбеманы. Для всех трех переводов характерно активное использование старославянизмов, что в принципе присуще классицизму, в рамках традиций которого М.Н. Муравьев, несомненно, еще находится. Однако старославянизмы и старославянские грамматические формы придают стихам еще больший пафос и торжественность, архаическую окраску, что соответствует семантике зачина и всего эпоса Гомера, который повествует о событиях героического прошлого народа. М.Н. Муравьева восхищает в Гомере не только талант сказителя и поэта, но и умение ярко и правдиво показать личность человека во всей его сложности и противоречивости, что близ-

ко склонному к сентиментализму писателю. В целом можно говорить об особом месте гомеровской темы в жизни и творчестве М.Н. Муравьева, который приблизил античного автора к русскому читателю.

Ключевые слова: древнегреческий эпос; Гомер; М.Н. Муравьев; перевод; классицизм; сентиментализм.

Введение

Поэт по имени Гомер является автором двух величайших творений древности, поэм «Илиада» и «Одиссея». Однако уже древние ничего определенного не знали о личности поэта. Самые ранние из дошедших жизнеописаний поэта относятся к VI в. до н.э. и не имеют исторической ценности. В Античности точно не знали, когда и где родился поэт, так как на этот счет сохранились самые разноречивые сведения. Популярное двустилишие, начинавшееся словами

Ἑπτὰ πόλεις διερῖζουσιν περὶ ρίζαν Ὀμήρου
Σμύρνα, Χίος, Κολοφών, Σαλαμίς, Ῥόδος, Ἄργος, Ἀθήναι

*Семь городов, пререкаясь, зовутся отчизной Гомера
Смύрна, Хиос, Колофόν, Саламін, Родос, Ἀργος, Афины,*

имело несколько вариантов второй строчки, среди мест рождения назывались Итака, Пилос, Иос, и поэтому городов оказывалось гораздо больше 7, приблизительно 11.

Это обстоятельство и наличие противоречий в поэмах: сюжетных, стилевых, языковых, религиозно-мифологических, социально-исторических (например, в «Одиссее» Афина и Телемах являются в Пилос, где происходит жертвоприношение при большом собрании народа, а потом оказывается, что это лишь семья Нестора, в «Илиаде» Диомед ранит Афродиту и Ареса, а позже говорит «сражаться с богом я не стану», второстепенный герой погибает, а потом оказывается живым, оружие героев сделано из бронзы, но автор знает и железо «железное сердце» и т.д.), породило споры об авторстве поэм и обширную литературу в связи с этим – «гомеровский вопрос».

Весь античный мир верил в реальность личности гениального поэта. Платон считал, что «Гомер воспитал всю Грецию». Аристотель в своей «Поэтике» указывал на органичное единство поэм. Историк Геродот сообщает, что Гомер жил за 400 лет до него.

Поэмы Гомера в Античности – хранилище мудрости, основа школьного образования, достояние всего народа, символ единства эллинов.

Лишь некоторые александрийские ученые обратили внимание на существование различий между «Илиадой» и «Одиссеей» и высказали предположение о принадлежности их разным поэтам. Но в противовес

этой точке зрения была выдвинута гипотеза о том, что «Илиаду» поэт создал в юности, а «Одиссею» – в старости.

В 1664 г. французский аббат д'Обиньяк впервые высказал мысль о том, что человека с именем Гомер никогда не существовало, Ὀμηρος в одном из эолийских диалектов означает «слепец», и «Илиада» является сборником песен разных певцов. Диссертация д'Обиньяка, опубликованная через несколько десятилетий после его смерти (1715 г.), прошла незамеченной.

Начало научной дискуссии по поводу поэм Гомера было положено книгой Фридриха-Августа Вольфа «Предисловие к Гомеру», вышедшей в 1795 г. Вольф считает, что каждая из поэм – соединение песен, созданных разными поэтами, самым известным из которых был Гомер. Аргументация сводилась в основном к следующим двум положениям:

1) в гомеровские времена отсутствовала письменность (развитие письменности у греков относили к VII–VI вв. до н.э., а создание гомеровских поэм – к X–IX вв.), но появление больших поэм в бесписьменные времена является невозможным;

2) в поэмах имеются противоречия.

Дальнейшее развитие науки показало, что в VIII в. до н.э. и гораздо раньше письменность грекам была хорошо известна; кроме того, выяснилось, что бесписьменные народы могут создавать большие произведения. Таким образом, первый довод Вольфа потерял силу, но второй остается в силе и в настоящее время.

Книга Вольфа оказала большое влияние на дальнейшее развитие науки. Исследователи Гомера разделились на два лагеря: «аналитики», считающие, что отдельные части поэм сочинены разными авторами, и «унитарии», полагающие, что автором поэм «Илиада» и «Одиссея» является один поэт по имени Гомер.

Позже у многочисленных последователей Вольфа возникли теории, которые пытались как-то примирить аналитиков и унитариев, например теория первоначального ядра Г. Германна (1832 г.). Он считал, что в основе поэм лежат два небольших произведения «Пра-Илиада» и «Пра-Одиссея», которые включали в себя основной сюжет гомеровских поэм. Позднейшие поэты вводили новый материал, поэмы дополнялись: единство поэм было обеспечено наличием основного ядра, а противоречия возникли в процессе «расширения» поэм.

Унитарии же подчеркивают единство и художественную целостность поэм, противоречия в поэмах обычно объясняют позднейшими вставками и устным характером творчества поэта, допускающим различные варианты. У Гомера противоречия не нарушают художественного впечатления, к тому же у писателей, создавших большие произведения, встречаются противоречия, как показали филологические исследования.

Перелом в сторону унитарной точки зрения произошел после появления книги Шадевальдта (W. Schadewaldt. *Iliasstudien*. Leipzig, 1938 г.), который через анализ композиции «Илиады» показал, что самые отдаленные друг от друга места поэмы органически взаимосвязаны между собой.

Современные исследователи придерживаются в основном унитарной теории. В композиции «Илиады» выявлен принцип, в основе которого намерение автора, развивая тему гнева Ахилла от его начала до конца, путем усиления мотивов показать ход всей троянской войны. Например, в начале поэмы похищение женщины как причина гнева Ахилла вызывает ассоциацию с событиями Троянской войны, причиной которой также была женщина [1], и т.д. Проблема происхождения гомеровского эпоса обычно сводится к вопросу соотношения личного и коллективного начала в творчестве. Глубокий подход к данной проблеме находим у В.Г. Белинского, который считал, что при оценке таких произведений, как «Илиада», нельзя противопоставлять народное и личное. «“Илиада” была столь же непосредственным созданием целого народа, сколько и преднамеренным, сознательным произведением Гомера. Мы считаем несправедливым мнение, будто “Илиада” есть не что иное, как свод народных рапсодов, этому слишком противоречит ее строгое единство и художественная выдержанность. Но в то же время нельзя сомневаться, чтобы Гомер не воспользовался более или менее готовыми материалами, чтобы воздвигнуть из них вековечный памятник эллинской жизни и эллинскому искусству. Его художественный гений был плавильной печью, через которую грубая руда народных преданий и поэтических песен и отрывков вышла чистым золотом» [2. С. 404]. Индивидуальное творчество гениального поэта Гомера и коллективная устная традиция образовали уникальное единство.

В России первым переводил Гомера М.В. Ломоносов, используя отрывки из «Илиады» в качестве примеров красноречия. Он включил отрывки из речи Одиссея в ставке Ахилла и обращение Зевса к богам в текст «Риторики» (1748 г.). Позже обе поэмы в прозе были переведены К.А. Кондратовичем (1758–1760 гг.) и П.Е. Екимовым (1776–1778 гг.). В 1778 г. поэт и переводчик Е.И. Костров осуществил стихотворный перевод 1–6-й песен «Илиады». Таким образом, до М.Н. Муравьева в русской литературе существовал определенный опыт переводов Гомера, однако все они были или прозаическими, или силлабо-тоническими.

М.Н. Муравьев (1757–1807), один из самобитнейших представителей русского Просвещения, литератор, историк, философ, общественный и государственный деятель, ставший предвестником русского сентиментализма, первым представил вариант русского гекзаметра для перевода Гомера.

Целью данной статьи является выявление своеобразия поэтики перевода М.Н. Муравьева отрывков из поэмы Гомера «Илиада» в аспекте традиций классицизма и новых веяний сентиментализма.

В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи:

- 1) обозначить значение творчества Гомера для М.Н. Муравьева;
- 2) проанализировать семантические, стилистические, ритмико-метрические параметры перевода М.Н. Муравьева отрывков из поэмы Гомера «Илиада»;
- 3) выявить художественное своеобразие перевода М.Н. Муравьева из Гомера.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляют труды по проблемам компаративистики, переводоведения и диалога культур М.М. Бахтина, Ю.Д. Левина, Ю.М. Лотмана, А.Н. Егунова, А.В. Михайлова, В.Н. Топорова, работы по творчеству М.Н. Муравьева и по истории русской литературы XVIII в. Г.А. Гуковского, Л.И. Кулаковой, Н.Д. Кочетковой, О.Б. Лебедевой, П.А. Орлова, труды по античной литературе М.Л. Гаспарова, Т.Г. Мальчуковой, А.А. Тахо-Годи, И.М. Тронского, В.Н. Ярхо и др.

В статье используются филологические методы интерпретации текста с привлечением историко-философского, литературно-эстетического контекстов и с помощью методики сравнительно-сопоставительного анализа.

Сравнительно-сопоставительный анализ первоисточника и перевода является главным методом исследования в лингвистике перевода. В процессе этого анализа раскрывается поэтика перевода, выявляются тождественные единицы, а также выясняются изменения, происходящие при замене каких-либо единиц оригинала на эквивалентные им единицы перевода. Также сравнительно-сопоставительный анализ дает возможность выяснить, как преодолеваются типовые трудности перевода, связанные со спецификой каждого из языков, и какие элементы оригинала остаются не переданными в переводе.

М.Н. Муравьев и Гомер

«...мало сказать, что истоки литературных, культурных, исторических, философских взглядов М.Н. Муравьева – в античности, поскольку М.Н. Муравьев “жил” античностью, дышал ее воздухом, в ней находил основы для формирования своего общественного, национального и личностного, духовного идеала» [3. С. 4–5]. М.Н. Муравьев хо-

рошо знал латинский и древнегреческий языки и всю жизнь изучал античное наследие по первоисточникам. На первое место среди античных авторов он ставил Гомера, оценки которому даны в статьях, стихотворных и прозаических произведениях. Так, в «Тетради для сочинений», написанной для великих князей Александра и Константина, чьим воспитателем был М.Н. Муравьев, он пишет: «Читайте Гомера, юноши! читайте Гомера, воины!» [4. С. 176]. Такой призыв обусловлен тем, что М.Н. Муравьев «рассматривал античность как совершенную модель, на которой следует учить общечеловеческим идеалам подрастающее поколение» [5. С. 227]. Сюжеты гомеровских поэм М.Н. Муравьев использовал в воспитательных целях как примеры правильного или, напротив, ошибочного поведения людей в определенных жизненных ситуациях. Названия глав из «Тетрадей для сочинений» подтверждают этот факт: «Благоразумие, соединенное с мужеством, преодолевает, рано или поздно, величайшие препятствия», «Несогласие вождей – пагуба народов». Кроме этого, эпopeя, по мнению М.Н. Муравьева, является высшим из искусств, а поэмы Гомера навсегда стали недостижимым образцом в этом жанре: «Гомер первый явился на эпическом поприще и далеко за собой оставил всех своих последователей. “Илиада” и “Одиссея”, прославляя начало греческой славы, остались навсегда неподражаемыми образцами эпической поэмы» [6. С. 247]. Обращается к Гомеру М.Н. Муравьев и в своем литературном творчестве: в стихотворении «Видение» (1770-е гг.), представляющем из себя вымышленное путешествие в места упокоения великих поэтов и писателей, он с восторгом описывает Гомера:

Божественный певец Ахеев и Троян,
Мелесов сын, Гомер, сияющ красотою,
Не связан взор его телесной слепотою.
Как пламень, сильный дар и слово, как река [4. С. 5].

К гомеровской теме обращается М.Н. Муравьев в своем прозаическом произведении «Эмилиевы письма» (1790 г.), написанном в форме писем другу из местечка Берново. Показательным является в нем письмо от 8 июня, в котором М.Н. Муравьев обращается к «Илиаде»: «Прошедшие восемь дней проводил я не столько в Берневе, как под священными стенами Илиона. Никем не видим, под тенью дерева, читал я своего Гомера» [Там же. С. 126]. М.Н. Муравьева восхищает талант Гомера, сумевшего красочно изобразить не только героические времена и храбрость воинов в сражениях, но и показать чувства своих героев, затронуть души читателей (что, несомненно, важно для ориентированного на сентиментализм писателя): «...не позабывает он трогать сердца другими страстями, более любви достойными. Какою глу-

бокою чувствительностью наполнена картина, в которой Приам уничтожен, на коленях, лобзая руку свирепого неприятеля, спрашивает у Ахиллеса тело несчастного и добродетельного сына своего, Гектора! Какое сладостное и тихое красноречие истекает из уст Нестора! Что может быть умильнее прощаний Гектора и Андромахи!» [4. С. 128].

Погружение в творчество Гомера настолько глубоко, что гроза в окрестностях Берново (письмо от 17 июня) вызывает у М.Н. Муравьева ассоциации с богами перед сражением в «Илиаде»: «Я старался овладеть естественным страхом, чтоб удивляться величеству природы и последовать за постепенными переменами картины <...> Тотчас картины Гомеровы невольным образом наполнили воображение мое. Я повторял громко сии стихи, в которых он описывает богов, исходящих на сражение... Тьма, глубокая тьма легла на землю, такая же, какая покрыла внезапно воинства греческое и троянское, когда раздраженный Аякс произнес сие дерзновенное моление к Зевесу» [Там же. С. 130].

Анализ переводов

Первый перевод из Гомера был сделан М.Н. Муравьевым в 1778 г. и остался в его рукописях. В этом опыте «<...> Гомер впервые “явился” в русских гекзаметрах <...> сам автор, в ту пору еще очень юный, не придавал значения своей попытке и удаче» [6. С. 108–109]. Это первые 5 стихов «Илиады», в них поэт обращается к богине с призывом воспеть гнев Ахилла, последствия которого стали губительными для ахейцев:

Текст Гомера	Подстрочный перевод	Перевод М.Н. Муравьева
1 μῆνιν ἄειδε θεὰ Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος 2 οὐλομένην, ἣ μυρὶ Ἀχαιοῖς ἄλγε' ἔθηκε, 3 πολλὰς δ' ἰφθίμους ψυχὰς Ἄϊδι προΐαψεν 4 ἥρώων, αὐτοὺς δὲ ἐλώρια τεύχε κύνεσσιν 5 οἰωνοῖσι τε πᾶσι, Διὸς δ' ἐτελείετο βουλή, [7]	1 Гнев воспой, богиня, Пелида Ахилла 2 Губительный, который многочисленные Ахей- цам страдания причи- нил. 3 А многие доблестные души в Аид сбросил 4 Героев, самих же до- бычей делал для собак 5 И для птиц угощени- ем. Зевса ведь исполня- лась воля. (Перевод Л.Т. Леуши- ной)	1 Гнев, богиня, воспой Пелеева сына Ахилла 2 Пагубный, иже бес- численны грекам содеял болезни, 3 Многие души вели- кие в ров ниспустил преисподний 4 Витязей, их же са- мих добычею псов сотворил есть. 5 Также пернатых всех. Убо Диев совет совершался... [8. С. 249]

М.Н. Муравьев практически дословно перевел начальные строки «Илиады», сохранив все ключевые образы, лексические, синтаксиче-

ские и художественные средства Гомера: так же, как и античный поэт, М.Н. Муравьев начинает с обращения к богине, затем говорится о последствиях гнева Ахилла: это многочисленные смерти ахейцев, свершившиеся по воле Зевса.

Точно переведен первый стих: *μῆνιν ἄειδε θεὰ Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος* – *Гнев, богиня, воспой Пелеева сына Ахилла*. У Гомера *μῆνιν* «гнев» далее получает эпитет *οὐλομένην* «губительный», что переводится М.Н. Муравьевым семантически близким прилагательным с оценочной коннотацией *Пагубный*. Также близкими можно считать определения *μυρί* «многочисленные» первоисточника и *бесчисленны* перевода по отношению к бедам ахейцев (второй стих). Правда, *ἄλγε* «страдания» Гомера заменены на более семантически узкое *болезни*, что обусловлено, по-видимому, соображениями ритма и не противоречит общему смыслу стиха. В третьем стихе М.Н. Муравьев сохранил *ψυχὰς* «души» первоисточника, заменив определение к ним на синонимичное и применив инверсию, отсутствующую у Гомера, что придает строкам еще большую торжественность (*ἰφθίμους ψυχὰς* «доблестные души» в первоисточнике – *души великие* у М.Н. Муравьева).

Далее у Гомера говорится о том, что эти души героев гнев Ахилла *Ἄϊδι προΐψεν* «в Аид сбросил». М.Н. Муравьев, сохранив семантическую сторону третьей строфы, русифицирует текст, заменив характерное для античной мифологии *Ἄϊδι* «Аид» Гомера на связанное с христианской традицией, более привычное для русского читателя и от этого зримое и яркое *ров... преисподний*, усилив выразительность этих строк античного автора. Русифицирует М.Н. Муравьев и нейтральное *ἥρώων* «героев» Гомера, переводя их как *витязей*. Окончание 4-го стиха и 5-й стих первоисточника и перевода практически тождественны и семантически, и лексически: в обоих источниках говорится о том, что многие герои стали добычей собак и птиц и все это свершилось по воле Зевса.

Кроме этого, для всего перевода характерно активное использование старославянизмов, что характерно в принципе для классицизма, в рамках традиций которого М.Н. Муравьев, несомненно, еще находится. Однако старославянизмы (*иже, убо*) и старославянские грамматические формы (*воспой, содеял, ниспустил, сотворил*) придают стихам еще больший пафос и торжественность, архаическую окраску, что соответствует семантике зачина и всего эпоса Гомера, который повествует о событиях героического прошлого народа.

Что касается синтаксического ряда 1–5-го стихов, то несомненным достоинством перевода стало сохранение анжамбемана, активно используемого Гомером в этом отрывке: 1–2-й и 3–4-й стихи («гнев... губительный», «души... героев»).

Ритмически же перевод М.Н. Муравьева, сделанный русским гекзаметром, максимально соответствует ритму древнегреческого гре-

ческого гексаметра. Кроме этого не стоит забыть, что это первый в России опыт (и удачный!) стихотворного гексаметра начала «Илиады».

По-видимому, М.Н. Муравьев не совсем серьезно относился к своим литературным опытам и хотя очень любил Гомера, не всегда находил время для чтения и переводов из античного автора: «Гомерова Илиада лежит у меня более месяца на столе, и едва ли успел я два раза раскрыть ее все это время, и то принуждая сам себя» [6. С. 355]. Однако гомеровская тема постоянно присутствует в его заметках, письмах, и в 1790 г. он во второй раз обращается к переводам из Гомера, включив отрывок из XX песни «Илиады» в «Эмилиевы письма». М.Н. Муравьев настолько «пропитан» Гомером, что гроза в окрестностях Берново напоминает ему о сборах богов на сражение, поэтому поэт цитирует Гомера в собственном переводе:

Текст Гомера

56δεινὸν δὲ βρόντησε πατὴρ
ἀνδρῶν τε θεῶν τε
57ὑψόθεν· αὐτὰρ νέρθε Ποσειδάων
ἔτιναξε
58γαῖαν ἀπειρεσίην ὀρέων τ'
αἰτεῖνὰ κάρηνα.
59πάντες δ' ἑσσεύοντο πόδες
πολυπίδακος Ἰδῆς
60καὶ κορυφαί, Τρώων τε πόλις
καὶ νῆες Ἀχαιῶν.
61ἔδεισεν δ' ὑπέρθευεν ἄναξ
ἐνέρων Αἰδωνεύς,
62δείσας δ' ἐκ θρόνου ἄλτο καὶ
ἴαχε, μὴ οἱ ὑπερθε
63γαῖαν ἀναρρήξειε Ποσειδάων
ἐνοσίχθων,
64οἰκία δὲ θνητοῖσι καὶ ἀθανάτοισι
φανείη
65σμερδαλέ' εὐρώοντα, τὰ τε
στυγέουσι θεοί περ [9]

Подстрочный перевод

Страшно загремел отец
людей и богов
С высоты, а также
сверху Посейдон зако-
лебал
Землю беспредельную
и гор высокие верши-
ны,
Но все затряслись под-
ножия обильной источ-
никами Иды
И вершины, троянцев
город и корабли ахей-
цев,
Испугался внизу вла-
дыка находящихся в
подземном царстве
Аидоней,
Испугавшийся же с
трона соскочил и за-
кричал, чтобы ему са-
мому свыше
Землю не разрушил
Посейдон землеколеба-
тель,
И дома смертным и
бессмертным не пока-
зал бы
Страшные и промозг-
лые, которые ненавидят
очень и боги.
(Перевод Л.Т. Леуши-
ной)

Перевод

М.Н. Муравьева

Ужасно возгремел
отец богов и смертных
С превысшенных;
Нептун неизмериму
землю
И гор высокие верхи
восколебал;
Во основаниях востре-
петала Ида
И с нею град троян и
гречески суда!
И царь теней, Плутон,
ужасся в преисподней
И с трона воспрянул и
возопил, страшаясь,
Чтобы Нептун земли
заклепов не расторг
И взору не открыл и
смертных и бессмерт-
ных
Его владычества пе-
чальна, безотраднa
И ненавистного богам
и человекам!

[8. С. 249]

В целом перевод М.Н. Муравьева можно назвать практически тождественным, так как автор семантически, композиционно, синтаксически, эмоционально и художественно следует за первоисточником, бережно сохраняя все смысловые акценты Гомера, особенности синтаксиса отрывка, художественные средства античного поэта. Текст для удобства анализа можно разделить на две части:

Текст Гомера	Подстрочный перевод	Перевод М.Н. Муравьева
56δεινὸν δὲ βρόντησε πατὴρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε 57ὕψθεν· αὐτὰρ νέρθε Ποσειδάων ἐτίναξε 58γαῖαν ἀπειρεσίην ὀρέων τ' αἰπὲνὰ κάρηνα. 59πάντες δ' ἐσσεύοντο πόδες πολυπίδακος Ἰδῆς 60καὶ κορυφαί, Τρώων τε πόλιν καὶ νῆες Ἀχαιῶν.	Страшно загремел отец людей и богов С высоты, а также сверху Посейдон зако- лебал Землю беспредельную и гор высокие верши- ны, Но все затряслись под- ножия обильной ис- точниками Иды И вершины, троянцев город и корабли ахей- цев,	Ужасно возгремел отец богов и смертных С превыспренних; Нептун неизмериму землю И гор высокие верхи восколебал; Во основаниях востре- петала Ида И с нею град троян и гречески суда!

56–60-й стихи «Илиады» переведены почти дословно, отражены все ключевые моменты текста Гомера: гнев Зевса, колебание земли Посейдоном, что приводит к сотрясанию Иды, Трои и кораблей греков. Так же, как и в первоисточнике, М.Н. Муравьев, переводя 56-й стих, использует перифраз *«отец богов и смертных»* и экспрессивный глагол *возгремел*, придав ему старославянскую форму и усилив этим пафосность момента. Сохранен и анжамбеман, примененный автором «Илиады» в 56–57-м стихах: *δεινὸν δὲ βρόντησε πατὴρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε // ὕψθεν* «Страшно загремел отец людей и богов // С высоты», у М.Н. Муравьева – *Ужасно возгремел отец богов и смертных // С превыспренних*. Синонимично переведен эпитет Гомера *δεινὸν* «страшно» (у М.Н. Муравьева *ужасно*).

При переводе 57–58-го стихов также применены эквивалентные оригиналу экспрессивные лексические средства (*ἐτίναξε* «заколебал» – *восколебал*; *ἀπειρεσίην* «беспредельную» – *неизмериму*; *κάρηνα* «вершины» – *верхи*). К лексическим отступлениям можно отнести замену *ὕψθεν* «высоты» на эмоционально более яркое и торжественное *превыспренних* (словарь В.И. Даля определяет его как «весьма высокий, высочайший, самый высокий» [10. С. 384]) и *Ποσειδάων* на Нептун. В первом случае это обусловлено, по-видимому, желанием акцентировать внимание на высоте момента, а во втором – соображениями ритма.

В 59-м стихе говорится о горе Ида, сотрясающейся от гнева богов, что отражено в переводе, синонимично передающем реалии поэмы Гомера: πόδες «подножия» – *основаниях*, ἐσσεΐοντο «затряслись» – *вострепетали*. Однако М.Н. Муравьев опустил развернутое определение, которое Гомер дал горе Ида: πολυτίδακος «обильной источниками», а также деталь, что сотрясались не только основания Иды, но и ее κορυφαί «вершины» (60-й стих). Все это делает последние стихи перевода данного отрывка более компактными, чем первоисточник. Заканчивается и оригинал, и перевод этого смыслового отрывка эквивалентно: описывается, что вместе с Идой трясутся Τρώων τε πόλις «троянец город» – *град троян* и νῆες Ἀχαιῶν «корабли ахейцев» – *гречески суда*.

Текст Гомера	Подстрочный перевод	Перевод М.Н. Муравьева
61 ἔδεισεν δ' ὑπένερθεν ἄναξ ἐνέρων Αἰδωνεύς, 62 δείσας δ' ἐκ θρόνου ἄλτο καὶ ἴαχε, μή οἱ ὕπερθε 63 γαῖαν ἀναρρήξειε Ποσειδάων ἐνοστήθων, 64 οἰκία δὲ θνητοῖσι καὶ ἀθανάτοισι φανείη 65 σμερδαλέ' εὐρώεντα, τὰ τε στυγέουσι θεοὶ περ	Испугался внизу влады- ка находящихся в под- земном царстве Аидо- ней, Испугавшийся же с тро- на соскочил и закричал, чтобы ему самому свы- ше Землю не разрушил Посейдон землеколеба- тель, И дома смертным и бессмертным не показал бы Страшные и промозг- лые, которые ненавидят очень и боги.	И царь теней, Плутон, ужасся в преисподней И с трона воспрянул и возопил, страшая, Чтобы Нептун земли заклепов не расторг И взору не открыл и смертных и бессмерт- ных Его владычества пе- чальна, безотрадн И ненавистного богам и человекам!

Семантический план первоисточника передан М.Н. Муравьевым точно: и в поэме, и в переводе рассказывается о том, как сотряслось подземное царство, а его владыка испугался, что оно разрушится и все увидят царящие там скорбь и мрак.

При переводе 61-го стиха М.Н. Муравьев эквивалентно Гомеру использует перифраз, правда, применив авторские лексические средства (у Гомера ἄναξ ἐνέρων Αἰδωνεύς «владыка находящихся в подземном царстве Аидоней», у М.Н. Муравьева *царь теней*). Эмоциональное состояние царя подземного мира передано в переводе даже более ярко и выразительно через глагол с оценочной коннотацией *ужасся* (в «Илиаде» использовано более нейтральное ἔδεισεν «испугался»). Кроме этого, как и ранее, М.Н. Муравьев латинизировал имя бога Аида, назвав его Плутоном, у Гомера же бог назван Αἰδωνεύς «Аидоней» и изображен с помощью всем понятного перифраза.

Далее М.Н. Муравьев точно передает 62-й стих, в котором Гомер подробно описывает действия владыки царства теней с помощью экспрессивных глаголов ἄλτο καὶ ἰάχε «соскочил и закричал», причастия δέϊσας «испугавшийся». В переводе использованы не менее выразительные глаголы *воспрянул и возопил* и семантически эквивалентное причастию первоисточника деепричастие *страшася*. Отступлением от оригинала является только отсутствие подробностей μή οἱ ὑλέρθε «чтобы ему самому свыше». Динамичность и сжатость в переводе не соответствует стилистике оригинала, для которого характерно неторопливость и обстоятельность, «отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова» [11. С. 105].

Переводя 63-й стих М.Н. Муравьев вновь использует свои образные средства, заменив греческого Посейдона на характерного для римской мифологии Нептуна, опустив эпитет Гомера ἐνοσίχθων «землеколебатель». Однако если в поэме говорится просто о разрушении земли (γαῖαν ἀναρρήξετε), то М.Н. Муравьев образно пишет *земли заклепов не расторг*.

64–65-й стихи переданы семантически эквивалентно первоисточнику, лексически точны определения θνητοῖσι καὶ ἀθανάτοισι «смертным и бессмертным» и *смертных и бессмертных*, лишь заменен глагол φαεῖν «не показал бы» на конструкцию *взору не открыл*, что оправданно, так как придает стиху большую высоту и торжественность и, следовательно, соответствует героической окраске эпоса. Также М.Н. Муравьев перевел οἰκία «дома» Гомера как *владычества* и использовал отсутствующий в поэме анжамбеман (*И взору не открыл и смертных и бессмертных // Его владычества*), что тоже придает стиху должную высоту и пафосность. У античного автора 65-й стих – это характеристика «домов» в подземном царстве, данная с помощью ярких эпитетов σμερδαλέ' εὐρώεντα «страшные и промозглые», а также описательной конструкцией τὰ τε στυγέουσι θεοὶ περ «которые ненавидят очень и боги». М.Н. Муравьев передал семантику стиха очень близко к первоисточнику, используя и эпитеты (*печальна, безотраднa*), и описательную конструкцию *ненавистного богам и человекам*.

Анжамбеман первоисточника (62–63, 64–65) отражения в переводе не получил, однако порядок слов, использованный М.Н. Муравьевым (*Нептун земли заклепов не расторг; взору не открыл и смертных и бессмертных*) частично выполняет данную выразительную синтаксическую функцию.

Таким образом, перевод М.Н. Муравьева демонстрирует близость к первоисточнику и в семантическом, и в художественном планах. В редких случаях, опуская или изменяя образные средства Гомера, М.Н. Муравьев использует собственные средства выразительности, поэтому общее впечатление от художественности произведения не меняется.

В этой же главе «Эмилиевых писем» дается еще один перевод из «Илиады» Гомера, который очень органично входит в ткань произведения М.Н. Муравьева. Лирический герой вспоминает слова Аякса (XVII, 645–647), обращенные к Зевсу, находясь в окрестностях Берново и наблюдая за тем, как темнота опускается на землю перед грозой: «Тьма, глубокая тьма, легла на землю, такая же, думаю, какая покрыла внезапно воинства греческое и троянское, когда раздраженный Аякс произнес сие дерзновенное моление к Зевесу» [4. С. 130]:

Текст Гомера	Подстрочный перевод	Перевод М.Н. Муравьева
645 Ζεῦ πάτερ ἄλλὰ σὺ ῥῦσαι ὑπ' ἡέρος νῆας Ἀχαιῶν, 646 ποίησον δ' αἴθρην, δὸς δ' ὀφθαλμοῖσιν ἰδέσθαι: 647 ἐν δὲ φάει καὶ ὄλεσσον, ἐπεὶ νύ τοι εὖαδεν οὕτως. [12]	Зевс отец, но ты избавь от мрака сыновей ахей- цев, Создай свет, дай глазам увидеть: При свете и погуби, если же тебе угодно так. (Перевод Л.Т. Леуши- ной)	Избавь, отец богов, избавь ты нас от мглы! Рассторгни мрак очей! Пошли дневной нам свет! И, если губишь нас, при свете дай погибнуть! [4. С. 130]

Все смысловые акценты первоисточника в переводе отражены: обращение к Зевсу с просьбой убрать тьму, дать свет и, если погубить своих сыновей, то сделать это при свете. Очень лиричен Гомер в 645-м стихе: Аякс называет Зевса отцом (Ζεῦ πάτερ), а ахейцев – его сыновьями. М.Н. Муравьев лирическое начало этих стихов передает с помощью личных местоимений *нас, нам, нас*, Зевс же обозначен привычным перифразом *отец богов*. Эквиваленты оригиналу обращения к богу: ῥῦσαι ὑπ' ἡέρος «избавь от мрака» – *избавь... от мглы*; ποίησον δ' αἴθρην «создай свет» – *пошли... свет*; ἐν δὲ φάει καὶ ὄλεσσον «при свете и погуби» – *при свете дай погибнуть*. Однако в переводе упущена емкая деталь, придающая важный подтекст словам Аякса: в 645-м стихе Гомер использует противительный союз ἄλλὰ «но», который вносит дополнительный оттенок настойчивости просьбы, так как перед этим Аякс заявил, что Ζεῦ πάτερ, следовательно, волен решать судьбы людей по своему желанию. 647-й стих, сходный в оригинале и переводе по семантике, также отличается у М.Н. Муравьева небольшими нюансами: у Гомера есть акцент на смирении людей перед волей богов (ἐπεὶ νύ τοι εὖαδεν οὕτως «если же тебе угодно так»), М.Н. Муравьев оставляет лишь просьбу (*И, если губишь нас, при свете дай погибнуть!*)

Заключение

Таким образом, влияние Гомера на формирование литературных вкусов М.Н. Муравьева огромно. Творчество великого эллина осваива-

лось М.Н. Муравьевым через чтение и осмысление произведений Гомера, через использование сюжетов поэмы в дидактических целях, а также через переводы. М.Н. Муравьева восхищает в Гомере не только талант сказителя и поэта, но и умение ярко и правдиво показать личность человека во всей его сложности и противоречивости: «Знакомый с теориями Шефтсбюри и Эдуарда Юнга о самобытном, “нутряном” творчестве подлинных поэтов, Муравьев искал и находил человека и человеческий мир в поэме Гомера» [7. С. 116]. Именно этот факт делает Гомера особенно близким склонному к сентиментализму русскому автору.

Переводы М.Н. Муравьева из Гомера почти дословны, они демонстрируют почтительное и бережное отношение к первоисточнику: все смысловые акценты расставлены, синтаксические и художественные средства также эквивалентны или очень близки оригиналу. Ритм греческого гекзаметра также удачно передан М.Н. Муравьевым, кроме этого величественность и торжественность переводу придают активно используемые старославянизмы, анжамбеманы.

Эти факторы позволяют говорить об особом месте гомеровской темы в жизни и творчестве М.Н. Муравьева, который, по мнению А.Н. Егунова, «имел значение для Гнедича <...> в смысле общей концепции Гомера» [Там же. С. 117], приблизил античного автора к русскому читателю.

Литература

1. *Гордезиани Р.В.* Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978.
2. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 1953–1959. Т. 7.
3. *Прокопьева Л.Б.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук «М.Н. Муравьев и античность (Гораций и Вергилий в переводах и творчестве писателя)». Томск, 2010.
4. *Сочинения Муравьева* : в 2 т. СПб. : Изд. А. Смирдина, 1847.
5. *Прокопьева Л.Б.* Греческая архаическая поэзия в творчестве М.Н. Муравьева // Влияние эллинизма на науку, культуру и образование современности / науч. ред. Т.П. Минченко. Томск, 2016.
6. *Егунов А.Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М. ; Л., 1964.
7. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0133%3Abook%3D1%3Acard%3D1>
8. *Муравьев М.Н.* Стихотворения. Л., 1967.
9. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0133%3Abook%3D20%3Acard%3D54>
10. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М., 1882. Т. 3.
11. *Ломоносов М.В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Русская литература XVIII века. М., 1979.
12. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0133%3Abook%3D17%3Acard%3D626>

Сведения об авторах:

Леушина Лилия Трофимовна, кандидат филологических наук, профессор филологического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: leushina@vtomske.ru

Прокопьева Лилиана Борисовна, кандидат филологических наук, доцент факультета иностранных языков Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lilianaprokopenva@sibmail.com

Поступила в редакцию 12 августа 2018 г.

HOMER'S THEME IN THE TRANSLATION OF M.N. MURAVYOV

Leushina L.T., Ph.D. (Philology), Professor, Philological Faculty, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: leushina@vtomske.ru

Prokopenva L.B., Ph.D. (Philology), Associate Professor, Faculty of Foreign Languages, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: lilianaprokopenva@sibmail.com

DOI: 10.17223/19996195/43/4

Abstract. The article reveals the originality of the translation poetics of M.N. Muravyov excerpts from Homer's poem "Iliad" (I, 1–5; XX, 56–65; XVII, 645–647) in the aspect of traditions of classicism and new trends of sentimentalism. Also shown is the importance of creativity Homer for M.N. Muravyov, it analyses semantic, stylistic, rhythmical-metrical parameters of the transfer M.N. Muravyov passages from Homer's poem "Iliad". The article uses philological methods of text interpretation with the involvement of historical, philosophical, literary and aesthetic contexts and with the help of comparative analysis. A poet named Homer is the author of two of the greatest works of antiquity, the poems "Iliad" and "Odyssey". Homer's poems in antiquity are the repository of wisdom, the basis of school education, the heritage of all the people, a symbol of the unity of the Hellenes. M.N. Muravyov knew Latin and ancient Greek languages, and studied all his life the ancient legacy of the original sources. In the first place among the ancient authors, he put Homer. Influence of Homer on the formation of literary tastes M.N. Muravyov is huge. The work of the great Hellenes was mastered by the Russian author through reading and comprehending the works of Homer, through the use of the plots of poems for didactic purposes, as well as through translations. M.N. Muravyov belongs to the first Russian translation of Homer (1778) in the hexameter ("Iliad" I, 1–5), which retained all the key characters, lexical, syntactic and artistic means of Homer: the translation begins with an invocation to the goddess, then it is spoken about the consequences of the wrath of Achilles: that the numerous deaths of the Achaeans, accomplished by the will of Zeus. In 1790 M.N. Muravyov for the second time refers to translations from Homer, including excerpts from XX and XVII songs "Iliad" in his prose work "Emilia letters". These translations are almost verbatim, they demonstrate respect and respect for the original source: all semantic accents are placed, syntactic and artistic means are also equivalent or very close to the original. In rare cases, omitting or changing Homer's figurative means, M.N. Muravyov use their own means of expression, so the overall impression of the artistry of the work does not change. The rhythm of the Greek hexameter successfully transferred to M.N. Muravyov, besides the Majesty and solemnity of the translation of attach frequently used (as in Homer) enjambement. For all three translations characterized by the active use of old Slavs, which is typical in principle for classicism, within the traditions of which M.N. Muravyov, undoubtedly, still is. However, old Slavs and old Slavonic grammatical forms give the poems even more pathos and solemnity, archaic color, which corresponds to the semantics of the beginning and the entire epic of Homer, which tells about the events of the heroic past of the people. M.N. Muravyov admires in Homer not only the talent of the storyteller and poet, but also the ability to clearly and truthfully show the personality of a person in all its complexity and inconsistency, which is close to the writer prone to sentimentalism. In general, we can talk about the special place of the Homeric theme in the life and work of M.N. Muravyov, who brought the ancient author to the Russian reader.

Keywords: ancient Greek epic; Homer; M.N. Muravyov; translation; classicism; sentimentalism.

References

1. Gordeziani R.V. (1978) Problemy gomerovskogo eposa [Problems of the Homeric epos]. Tbilisi.
2. Belinskiy V.G. (1953-1959) Poln. Sobr. Soch. v 13 T. [Full collected works in 13 volumes]. M., Vol. 7.
3. Prokopieva L.B. (2010) M.N. Muraviov i antichnost' (Goratsiy i Vergiliy v perevodakh i tvorchestve pisatelya) [M.N. Muraviov and antiquity (Horace and Virgil in translations and works of the writer)]. Philology cand. diss. Tomsk.
4. Sochineniya Muraviova : v 2 t (1847) [Muraviov's works: in 2 volumes]. SPb. : Izd. A. Smirdina. Vol. 1.
5. Prokopieva L. B. (2016) Grecheskaya arkhaiskaya poeziya v tvorchestve M.N. Muraviova [Greek archaic poetry in the works of M. N. Muraviov] // Vliyaniye elinizma na nauku, kul'turu i obrazovaniye sovremennosti / nauch. red. T.P. Minchenko. Tomsk.
6. Egunov A. N. (1964) Gomer v russkikh perevodakh XVIII–XIX vekov [Homer in Russian translations of 18th – 19th centuries]. M.-L.
7. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0133%3Abook%3D1%3Acard%3D1>
8. Muraviov M.N. (1967) Stikhotvoreniya [Poems]. L.
9. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0133%3Abook%3D20%3Acard%3D54>
10. Dal V.I. (1882) Tolkoviy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. St. P-M., Vol.3.
11. Lomonosov M. V. (1979) Predisloviye o pol'ze knig tserkovnykh v rossiyskom yazyke [Preface on the benefits of Church books in the Russian language] // Russkaya literatura XVIII veka // M.
12. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0133%3Abook%3D17%3Acard%3D626>

Received 12 August 2018